

Посвящается Лене Левиной

СПУТНИК

повесть

Первый БМВ ей подарил папа, но на бензин Леля зарабатывала сама показом нижнего белья. В доме у нее жила афганская борзая Астрид, у которой были шелковые подушки и серебряная миска.

Зачем я нужен Леле, непонятно. Ей почему-то интересно шляться со мной по подвалам, слушать поэтов, пить из горла водку, изысканно материться, как матерятся филологини, курить травку и менять половых партнеров.

Какого черта я с ней возился — не знаю. Она красива, но какой-то журнальной красотой. Ее легко представить на обложке таблоида. Когда она брала меня под руку, мужчины оборачивались.

У нее на работе грянул кризис, денег не платили. Все девочки разбежались, фотографии смылись, дизайнеры подались в другие агентства, только Леля и офис-менеджер Олег остались.

Говорю Леле:

— С твоей красотой легко найдешь работу.

— Мне деньги не нужны.

— А Олег чего остался?

— Он меня любит.

— У него жена и дети.

— Все ходит и в глаза заглядывает.

— Все равно уходи, — сказал я.

Потом через месяц смотрю, она в «ВКонтакте» фотки вывесила. С Олегом то, с Олегом се, у песочка, на холмике, возле пальмочки. Все на папочкины деньги.

Снова звоню:

— Как жизнь?

— Игорь, я беременна. У тебя есть знакомые в шоу для беременных?

— Какая же ты бестолковая, Леля! — и бросил трубку.

С моим ростом на Лелю было трудно смотреть. У нее метр восемьдесят восемь. Разглядываешь грудь — ни головы, ни ног не видно.

* * *

Я когда трубку бросил, потом долго по ночам ворочался. Встану в три, подойду к аппарату, нажму «Леля», телефон трень-трень, номер набирает, и вот когда уже первый гудок чуть заскрипит в ухе — нажимаю отбой. И так раз пять-шесть за ночь. Спишь еле-еле. Придешь в редакцию, под глазами круги, а шеф Герман Иосифович:

— Ты что, Игорек, пил? Пить при нашей работе нельзя, — смеется и подсовывает свежий номер для проверки.

И вот когда в очередной раз бился со статьей, мобильник завибрировал.

— Пойдем на «DJ Вагину».

Сразу узнал Лелю.

— Может, на Дихалева? Он из Казани приезжает с какой-то теткой.

В семь вечера стою на «Новослободской» в центре зала. Приходит сияющая, сережечки — золотые рыбки, ботфорты, штаны галифе серые и такой же серый плащ.

— Где живот?

— Это я тебя проверяла.

Дихалев читал замечательно. Я специально пришел на Дихалева. Каким-то бездонным голосом он читал о всякой ерунде, которая, в общем-то, и есть наш мир, весь наш мир ерунда. Но большинство прикатило на тетку. Тетка мне не понравилась — отличница. Все премии возьмет, во все союзы вступит.

* * *

Дом у Лели за городом, а БМВ на приколе. Папа первый раз в жизни отказался дать денег. Говорит: «Выходи замуж, пусть тебя муж кормит».

За окном электрички проплывал однообразный пейзаж ближайшего Подмосковья. Неказистые социалистические домишки садоводческих кооперативов, краснокирпичные особняки. На платформе «Овражки» сидел черный горластый пес и лаял на выходящих из вагонов.

На перегоне «Родники» — «Вялки» с насыпи поднялся подросток и бросил в наше окно камень. Большинство осколков задержало второе стекло, но два или три засели у меня в руке. Пока соседи сообщали о случившемся машинисту и вызывали милицию, Леля достала платок, аккуратно вынула из моей руки осколки и перевязала ее. На станции вместо маршрутки сели в такси и двинулись к ее загородному жилищу.

Дома обработали руку йодом, перевязали бинтом, развели камин. Леля не умела разводить камин, положила дрова снизу, а бумагу сверху бросила. Понятно, что ничего не получалось. Тогда я все переложил: бересту и картон вниз, полешки сверху, и чиркнул зажигалкой.

Достали из холодильника по пиву и усталились на огонь.

— Еще бы чуть-чуть, и осколки попали бы в глаз, — сказала Леля и прищурилась, разглядывая огонь.

— Я верю в свою судьбу.

— Ну, ты буддист, — рассмеялась Леля и этим рассмешила меня. Мы смеялись минут пять, приподнимая ноги с рыжего ковра и расплескивая пиво по бревенчатым, покрытым желтым лаком стенам. Прибежала Астрид и стала на нас лаять. От афганских борзых толку никакого, только пух. Надо каждый день вычесывать, а то комья валяются по углам дома. Судя по всему, Астрид не вычесывали уже месяц.

Неожиданно я развернулся и положил руку на грудь Леле. Она перестала смеяться, медленно убрала руку и сказала:

— Ты кто, Игорь? Ты — друг, — и ушла на второй этаж.

Дрова прогорели, и я тоже лег спать. Ночью Леля пришла ко мне. Мы обнимались, целовались, но у нас ничего не было.

* * *

Утром приехал папа. Василий Петрович вытащил меня в трусах на мраморную кухню, поставил бутылку «Русского стандарта», и мы стали пить. Когда Василий Петрович пил, то закидывал назад голову и проводил ладонью по затылку, после третьей рюмки он пошел пятнами и пить бросил, но мне все подливал и подливал.

— Вот ты, крысолов, любишь мою дочь?

— Люблю.

— Руку-то не по пьяни покоцал?

Сверху спустилась Леля. Синий шелковый китайский халат ей шел, на ногах были тапочки-зайчики, в правой руке она держала сигарету и выпускала дым вертикально вверх.

Вот говорят, что все модели холодные. У меня была одна певица. Я ходил вместе с ней по клубам и провожал домой. Самое страшное начиналось ночью. Никто из нас не мог довести друг друга до оргазма. Она никогда со мной не кончала. Я ни разу с ней не кончил. Кто был холодный — непонятно. Мы то сбегались, то разбегались.

Василий Петрович повел меня в подвал показывать газовые вентили. Под домом была врыта емкость, в которую закачивали сжиженный газ. В год на отопление уходила половина емкости. Потом он достал грампластинки и включил проигрыватель. Хрупкая игла выхватила Yellow submarine. Отец Лели, несмотря на свою грузную борцовскую комплекцию, дубы-руки и балки-ноги, сидел и подпрыгивал на тахте, и мне казалось, что если я стану мужем Лели, то он

всю мою оставшуюся жизнь пропрыгает рядом на тахте под хриплое ворчание винила и жизнелюбивый скрежет «жуков».

В два, к обеду (на обед жарили шашлык из баранины), приехал Олег. Смуглый южный парень, не чурка, а просто южная помесь, может греки какие у него в генах покопались. Подарил букет из двадцати одной розы и шампанское «Асти», приложился к ручке Лели, целовал так долго и влажно, что я привстал со стула.

— То был один крысолов — теперь два, — проворчал папа.

— Ну, это же все-таки мой ребенок! — просиял Олег.

— Какой ребенок? — переспросил я и посмотрел на Лелю. Леля сидела в кресле и теребила подол халата. Из-под халата торчали ее длинные лакированные ноги без единого волоска, белые и бледные.

— «О закрой свои бледные ноги», — продекламировал я и вышел покурить на крыльцо. Из-под порожка вылез Лохматый — кот неизвестной породы. Я близко наклонился к нему и стал разглядывать морду. У Василия Петровича была аллергия, и поэтому он не пускал кота в дом. Лохматый никогда не подходил ближе одного метра. Даже в самое голодное время, утром, он лишь обозначал движение к миске, и только один раз его поймала мама Лели и вымыла в душе, отчего кот еще более убедился — приближаться к людям ближе чем на метр не стоит.

На кухне продолжался разговор. Похоже, Василий Петрович не знал, что Леля беременна. Я тоже не знал. Она меня совсем запутала.

* * *

Вечером я уехал в Москву. По вагону ходили «афганцы» и пели про Кандагар, сизая охрипшая тетка продавала белорусские носки, работяга в телогрейке впарил мне стеклорез, который мне без надобности.

Всю дорогу я думал, почему уехал я, а не Олег. Он женат, у него дети, с ним у Лели тупик. Никаких шансов. Но уехал я, а он остался.

На работе перестали выдавать бесплатный кофе. Раньше на кухне стояла банка кофе и пакетики чая, сахар, плюшки, печенье, а теперь все пропало. Теперь каждый сам за себя. В тумбочке завел ящик, где все держу. Герман Иосифович кивает на спонсоров, мол, совсем дела плохи, могут и газету закрыть.

В двенадцать ночи звонок:

— Ты просто трус, — голос у Лели дрожит, зареванный какой-то.

— Ты мне просто врешь, — кидаю трубку.

Сам думаю: «Зачем я это делаю, зачем я это делаю?»

* * *

Через неделю пошел на квартирник к Нинель. Приехало юное дарование из Сарапула. Все выступление хотелось блевать. В конце как все хлопал, даже купил у автора книжку. Ее даже маме не покажешь, она любит поэзию. Когда уже собрался уходить, подошла Нинель. Когда-то во время совместного обучения на журфаке у нас что-то было, но она предпочла уехать в Германию с Володией. Там родила, но боши ей не подошли, вернулась в родные пенаты. Володя остался преподавать в Дрездене.

И вот когда я уже стоял в дверях, надевал немецкие (sic!) ботинки, один натянул, а во второй не мог попасть, Нинель меня задержала и позвала на кухню посидеть вдвоем.

Сидели мы плечо к плечу — ну чужая тетка, совсем чужая тетка.

А она говорит:

— Вот когда-то...

— Как было здорово...

— Как твоя личная жизнь?..

Собрался и ушел, выбежал к ларьку, купил «Кент-4», затащился, стало отпускать. Смотрю, по небу спутник летит. Подумалось, вот раньше был всего один спутник. Его увидеть — как влюбиться на всю жизнь, а теперь даже спутники, как мухи. Шныряют среди звезд туда-сюда. Но за своим проследил. Он точно летел на Камчатку. Там вулканы, там красная икра, там я окончил школу.

Если ехать с горы на лыжах и зажмуриться — если это вообще возможно, хоть небезопасно, — то вдруг неожиданно чувствуешь, что это не ты с горы едешь, а просто мир проносится мимо тебя. Вжик-вжик. И все. Родился — вжик и умер — вжик. В детстве красная ленточка, теперь белая ленточка.

* * *

Через два дня после квартирника сидел и писал статью в номер. Вдруг стали в дверь стучать. Смотрю — Олег.

Прошли на кухню.

— Ты, — говорит, — скажи, чего тебе от Лели надо?

— Да это она мне названивает.

— Нет, ты скажи, чего тебе от Лели надо?!

Хорошо, пришла Нинель. Олег посмотрел на нее, щупленькую, в красном расклепленном пальто. Летучая мышь. Точно, летучая мышь. Олег выскочил на лестничную клетку и заржал. Я перевел дух.

— Здравствуй, — говорю, — ветром тебя принесло странным, но вовремя, — потом обнял ее и поволок в спальню. Даже не помню, поцеловал или нет, а она и не сопротивлялась. Так я и не понял, зачем она приходила. Совсем, в общем, одурел. Одурел.

* * *

Друзья звали на митинг. Я довольно сносно прожил последние десять лет. Но вдруг понял, что если не пойду на митинг, то никогда не узнаю атмосферу, именно атмосферу, которая там царила. Потом позвонила Леля и тоже позвала на митинг, и я понял, что никуда не пойду. Тем более что в понедельник меня послали в Ухту, в командировку.

Что мне в Ухте делать? Герман Иосифович смеется:

— У нашего нефтяного спонсора праздник, День космонавтики, надо сделать репортаж.

— Какая связь между Гагариным и нефтью?

— Они там тяжелую нефть добывают, топливо для ракет. Напишешь хорошее, пофоткаешь.

— Я же фотоаппарат первый раз в жизни вижу.

— А у меня нет денег на фотографа.

Стою во «Внуково» у трапа, жду, когда толпа в салон войдет. Опять Леля:

— Ты где, Игорьек?

— Не знаю, — отвечаю, — между небом и землей. У католиков это называется чистилище. В Ухту лечу писать про космос.

— Я тебя встречу. Какой обратный рейс?

— 4964.

Господи, какое у Лели роскошное тело. Каждый сантиметр его жил сам по себе, и только какая-то незримая сеточка соединяла их в единое целое. При ходьбе ли, в сидячем положении или просто в прыжке, в полете каждый кусочек тела Лели вопил о свободе и счастье.

Зачем я летел в Ухту? Что меня с ней связывало кроме работы? Город среди болот сиял единым пятном, и посередине, или, точнее, немного в стороне, проплывала река Ухта, неся свои нефтяные воды в Северный Ледовитый океан.

Меня куда-то возили, кормили, я записывал на диктофон, фотографировал зеркалкой, которую мне дал Герман Иосифович, потом мы даже выпили в ресторане и мне предложили какую-то восемнадцатилетнюю девочку, с которой я всю ночь просидел в гостиничном номере, чтобы не обидеть хозяев.

У Нинель сын Ваня мечтал стать нефтяником. Все бредил, что приедет в Дрезден, а у него из карманов евро выпадают. Позвонит в дверь отцовского домика с лужайкой в одну сотку, позвонит второй раз, прижмет кнопку звонка до боли, чтобы ноготь посинел, чтобы отец выскочил на крыльцо, как есть, в семейных трусах, чтобы у него параллельные складки на лбу вспухли. И вот когда отец, в мурашках от октябрьской прохлады, спросит:

— Кто там?

— Это я, папа, сын твой, здравствуй. Я приехал. Я тебя люблю. Я нефтяник, — ответит Ваня.

Вышел из аэропорта. Леля стоит в сиреновом плаще и улыбается мне. Из-за темных очков, в которых она была, узнал не сразу. Живота все нет. Пошли на стоянку. Папа починил БМВ. В салоне Леля не курит. После полета очень хочется курить, я достал одну папиросу и мну ее в руках. Наконец не выдерживаю и открываю форточку, пускаю дым. Леля молчит.

* * *

Утром следующего дня звонит Нинель и зовет на новый квартирник. Иногда мне кажется, что я люблю Нинель, — но она слишком болтлива. Это и плохо и хорошо. Находясь рядом с Нинель, я могу не заботиться о поддержании разговора. Она никогда не прекратит его и будет раз за разом нагромождать кубометры слов.

Из шестидесяти фотографий, что я сделал в Ухте, получились лишь пять. Хотя статья хороша, хороша статья. Это и секретарша Юленька говорит, и верстальщик Славик, да и Герман Иосифович не отрицает. Зашли в интернет и надыбали всякой белиберды. Зато теперь шеф понял, что зря поспешил на фотографа. Из Ухты прислали благодарственное письмо, но, похоже, газету все равно будут закрывать или будет другой акционер. Уже приходили какие-то люди в костюмах.

В этом году зима затянулась. Обычно в начале апреля тепло, ходишь ошарашенный по лужам, слушаешь в ушах «Реквием» и не понимаешь, что происходит, что же все-таки

происходит. Это авитаминоз, точно авитаминоз. Покупаю витамин В в таблетках. Раньше, когда у меня была жена, она его колола, а теперь самостоятельно я колоть не могу и покупаю коробочку.

Приехал Василий Петрович. У него «мерседес», на котором в Европе возят покойников. Говорят, в Вологде живет культуртрегер-патологоанатом, который держит тиражи журналов в морге. Для сохранности, видимо.

Один мой приятель-поэт, Семен Торохов, был у него и все это видел собственными глазами. Культуртрегер раскладывал поэтические журналы на телах мертвых (находил какую-нибудь красавицу-самоубийцу) и нараспев читал стихи.

Василий Петрович звал в сплав по Карелии на байдарках.

— Поедем на поезде в Петрозаводск, а потом по Шуе, порог Кривой, порог Большой Толли.

Я никогда не задумывался, чем Василий Петрович зарабатывает на жизнь. Знал лишь одно: отец Лели не военный, но вечно тусуется около вояк. Про себя я называл его комбатом. Чем я ему приглянулся, почему не Олег? Может, у Лели еще кто есть? Ну должен же быть у такой красавицы настоящий жгучий мачо.

Мы ехали по Мясницкой от здания редакции, и мне казалось, что Василию Петровичу абсолютно все равно, с кем идти в поход. Лелину мать я никогда не видел, да и не выводил ее никуда комбат. Он был какой-то абсолютно одинокий и дикий. Сейчас, рассматривая его в зеркале заднего вида, я видел седые виски, лысину, ряд пожелтевших зубов и все более удивлялся, зачем он ко мне в редакцию приехал.

* * *

Вчера пришла Света. Света алкоголичка и художница. Рыжая и страстная девица тридцати лет, с распущенными волосами. Вытащила из серванта бутылку водки и стала быстренько набираться. Своими обкусанными пальцами лазила в чешские стаканы, оставляя жирные пятна.

— Пришла к деду на Девятое мая. Зову, пойдем в парк Победы. Сидит молчит, портвейн дует. Полезла в шкаф за пиджаком, а на нем медалей нет. Где, ору, медали, а дед молчит. Я, говорю, тебе вторую бутылку не куплю. Шамкает: продал все за пять тысяч. Стали ругаться, кому продал, что за люди. Не помнит.

— Света, дай-ка мне тоже стакан.

— В парк не пошли. Утром заставила его записать все, что было, и бегом в антикварный салон в ЦДХ. Все лежит, куча всего лежит. И за взятие Берлина, и за Кенигсберг, и за Одер. Продала четыре картины по дешевке и что надо выкупила. Пришла к деду, а он сидит, ноги каким-то дурацким электрическим прибором лечит и плачет. Шамкает: ноги болят, совсем не ходят.

Света выпила еще граммов пятьдесят и пошла домой.

— Заходи, Игорь, как-нибудь. У меня в галерее «Танин» выставка будет. Заходи.

* * *

Леля пригласила меня на показ. Она все-таки ушла из своего агентства и устроилась к Славе Зайцеву. Слава, конечно, постарел, но какой-то нюх остался. Леля таскала расхристанные прикиды, которые, как мне казалось, ее красоту не подчеркивали, а скрывали. Леля надо мной смеялась:

— Это одежда должна выглядеть шикарно, а не я.

После показа к ней подходили ханыги, но Олега не было.

Спрашиваю:

— Где Олег?

— Уехал с папой в Карелию.

Значит, папа всем байдарки впаривал. Может, еще кому, наверняка кому-то еще байдарки предлагал.

На работе все кучкуются. Пришли новые акционеры в черных костюмах и галстуках. Попросили всех остаться, но Германа Иосифовича сняли. Он пытается найти спонсоров для новой газеты. Меня вызывали в кабинет и обещали должность главного редактора. Теперь у нас бейджики, пластиковые карточки и курение на улице по распорядку.

* * *

С женой мы развелись недавно. Жили-жили десять лет, даже ни разу не поругались, я ей помогал духи варить, друзья были общие, а тут приходит как-то раз она с работы в бежевом костюмчике и красном шарфике, который я ей подарил, и произносит (я как раз из душа выходил):

— Игорь, я ухожу от тебя.

Самое смешное, что я ничего не почувствовал, совсем ничего. Вот, говорят, «тяжкий камень», или там «задрожали ноги», или «слабость во всем теле». Ничего не произошло, даже чувства мои к ней не изменились. Ровная, обычная, человеческая теплота.

Налил я себе чаю, ей кофе и пошел в ближайшую ночную аптеку за снотворным.

Шел ночью по белой снежной улице и думал: «Надо бы поорать, что ли, или мебель поломать, детей у нас все равно нету».

Пришел, выпил еще чаю, принял снотворное, посмотрел на нее плачущую и спрашиваю:

— К кому хоть уходишь?

Она растекшуюся тушь салфеткой смахнула, со лба своего ровного мраморного волосы назад закинула под ободок и вздохнула:

— К Андрею.

— Эх, ушла бы ты к поэту, или к прозаику, или к литературоведу наконец, но к астроному — это слишком, — и пошел спать.

* * *

Последний раз были с Андреем на футболе год назад. Люблю гул стадиона. Часто посреди тайма выхожу в буфет, беру кофе с бутербродом и в одиночестве слушаю стадион. Все эти: «У-у-у-у-у, а-а-а-а-а, о-о-о-о-о». В перерыве ничего не послушаешь, все ломятся в туалет. Тогда, помнится, Андрей рассказывал, что нашел новую звезду в созвездии Лиры. «Спартак», как всегда, проиграл. По дороге назад я купил себе спартаковский шарф, но не красно-белый, а черно-красный. У всех были красно-белые шарфы, а у меня красно-черный. Спартак играл в черной форме только один раз и слил англичанам 4:0. В метро ко мне подходили четыре раза: господин в бобрах, подростки с айфонами, таджикский гастарбайтер и продавщица кока-колы. Все спрашивали счет.

С Германом Иосифовичем встречался в «Елках-Палках». Взяли по телеге, заказали пиво, и он стал мне рассказывать про новый проект. Журнал малого бизнеса, все проблемы в России, Фонд поддержки малого предпринимательства. Смотрел я на него и думал: «Когда-то я очень тебя любил, ГИ, и даже подражал. Носил, как ты, артистический беретик, курил трубку со сладким голландским табаком, играл в бадминтон, ходил на балет. Ты научил меня всему в журналистике, меня даже кое-где знают, а кое-кто ценит. Но сейчас, именно сейчас, когда тебе требуется моя помощь, у меня нет на это никаких сил».

Послушал-послушал, допил «Старопрамен», взял свой берет и пошел из кабака прочь.

Ехал по Таганской ветке. Перегон «Волгоградский проспект» — «Текстильщики» частично проходит по поверхности. Открылись бывшие цеха «Москвича». Сейчас все пустуют, только в одном собирает свои автомобили «Рено». А раньше целый район Люблино здесь работал. Вставали в шесть утра и топали до проходной. Был самый экологически грязный район, а теперь, когда все заводы стоят, — ничего, чистенько.

* * *

Уезжала Рая долго, почему-то никак у них с Андреем не складывалось с ремонтом, и вся эта катавасия длилась почти год.

Так и жили, как раньше, спали в одной постели, за котом Рыжиком ухаживали, на вечера литературные ходили, — только никакой близости.

Когда же она все-таки переехала, то я три месяца был как без рук: как за квартиру платить, не знаю, рубашки и брюки гладить не умею, чуть интернета не лишился, ел по столовым. Только через полгода всему научился, но тут полез в трубку маме звонить, а номера наших с Расей родителей начинались одинаково, вот я и перепутал. Позвонил уже бывшей теще.

— Привет, — говорит она, — Игорек.

— Привет, — отвечаю, — Ирина Федоровна.

Жила теща одна, и после этого раза стали с ней регулярно перезваниваться. Она мне на Раю жалуется, что мало звонит и пишет. Даже потом, когда из своего Пскова приехала, то остановилась у меня, а не у Раи с Андреем.

* * *

В галерее «Танин» у Светы царил настоящий бардак. Волосатые бородатые художники курили траву и слушали психоделику. У Светы странная способность окружать себя полудурками. Нет, все они творческие личности, рисуют, пишут, пляшут, но спроси нашу дворничиху тетю Люду, и она скажет: «Полудурки».

Я ничего не понимаю в картинах. В молодости я любил ходить в ЦДХ, но когда узнал, что «Черный квадрат» Малевич нарисовал не в одном экземпляре, а, кажется, в семнадцати, то в живописи разочаровался. Саврасов грачей тоже по заказу рисовал.

Как много людей пишут стихи, хотя это самое бесполезное, неприбыльное и инфантильное занятие. Слава богу, что картины пишет намного меньше людей. Я ходил по

галерее немного обескураженный и не мог понять, что это значит для меня, почему я это рассматриваю, стало ли мне лучше или не стало, смогу ли я вообще что-то почувствовать. Незаметно подошла Света и сзади обняла меня:

— Это, Игорек, Панкрашин. Три его картины купил Русский музей. Одну — из моей галереи.

— Что это за пятно у него вон там сверху?

— Панкраша умница. — Света глотнула из стакана что-то бордовое и пошла в холл. В холле пахло едко и сладковато.

Я развернулся и пошел на выход. Эсэмэска от Лели: «Приезжай в Бибирево». И я поехал в Бибирево. Там у Лелиного отца еще квартира.

* * *

В 1998 году мы с Андреем сидели на Воробьевых горах у здания МГУ, у главного входа, на парапете смотровой площадки, и пили пиво. Нет, мы, кажется, тогда еще ничего не пили. Просто сидели и смотрели в звездное небо. Я тыкал пальцем в звезды, а он их называл, потому что учился на астрономическом отделении.

И вот когда я говорил, что «наши космические корабли бороздят просторы океанов», Андрей сказал:

— Космос человечеству не нужен. Зачем мы в космосе? Мы там пылинки. Чужие.

Я вознегодовал и пошел домой. И лег спать. И очень обиделся. И больше с ним не виделся.

Прошло пятнадцать лет. «Бураны» сгнили, «Шаттлы» на приколе, ракеты со спутниками не могут взлететь и падают на землю. Десять неудачных стартов подряд.

А потом шел с Раей мимо Политехнического и увидел афишу лекции: «Зачем человечеству космос?» Лектор Андрей. Зашли, они познакомились. Попили пива, как в молодости.

Теперь Андрей единственный человек, с которым я могу говорить. Он мудака, конечно, но с ним можно поговорить. На днях пришел в гости (после развода с Раей у нас с ним нормальные отношения остались), и мы хорошо беседовали... Я был счастлив. Просто счастлив. Такое счастье, такой диалог.

Потом дал ему тысячу рублей и попросил купить портвейну, того-сего. Я-то знал, сколько должно быть сдачи... А он мне какие-то копейки приносит.

«Фигня, — думаю, — зато так хорошо поговорили. Что мне эти две сотни!»

И вот он уходит, а я смотрю — бутылки-то портвейна нет.

— Андрей... Как это называется?

— Это называется — выпил, — спокойно отвечает Андрей с каким-то даже теплом.

* * *

В Бибирево от метро иду пешком. Леля живет, кажется, в третьей башне. Оказывается, в четвертой. В третьей в домофоне говорят: «Нет такой», а в четвертой Лелин голос:

— Заходи.

Поднимаюсь на лифте на четвертый этаж. На стене выпарапано «Спартак». Сверху зачеркнуто и уже цветными фломастерами: «ЦСКА». Две буквы красные, две синие.

У Лели полон дом гостей. Кто эти люди, я не знаю, но весело. Мальчик с гитарой поет «Рок-н-ролл мертв», девочка в зеленых лосинах целуется с девочкой в желтой бандане. Сажу на подоконнике на кухне, курю, сплевываю вниз. Смотрю — Жора Пospelов заходит.

Сначала Жора мне не нравился. Он был, кажется, везде. На всех тусовках, на всех выступлениях, на всех званных обедах. Казалось, куда ни приди, а там сидит Жора в своей вязаной шапочке, курит «Винстон лайтс», потягивает темный «Гиннесс» и рассуждает о поэзии и литературе. Но мне потом сказали, что у Жоры восемь детей, и я подумал: «Пусть делает что хочет». Я кивнул Жоре, он что-то ответил и отвернулся к окну.

В конце концов все разошлись. Пришла Леля — ласковая, таинственная, румяная. Я потеснился на подоконнике, и мы еще часа полтора вдвоем рассматривали небо. Я обнял ее и поцеловал. Леля отвернулась.

* * *

Звонит Света:

— Панкрашин все бросил — жену, детей, часть картин спалил, разогнал учеников и уехал по монастырям. Ходит проповедует, за ним толпа в пятьдесят человек, смотрят ему в глаза, а один записывает. А эти придурки, друзья, кричат: «Имеет право, художник имеет право, это удар свыше, художник на все имеет право». Хорошо, нашелся психиатр, Евгений Юрьевич. Говорит — это мой пациент, достаньте мне его хоть из-под земли, и Панкрашин снова будет рисовать картины. Шляпу приподнял, вышел на улицу, зажмурился и пошел в больничку на прием. Через две недели Панкрашина привозят. Как уж родственники его отбили,

непонятно. Худющий, заросший, ногти черные, кожа синяя, волосы жирные и спутанные. Посмотрела ему в глаза — точно, пациент Евгения Юрьевича. Он Панкрашину прописал уколы и таблетки, а сам в Австрию уехал на конгресс. Когда вернулся, Панкрашина уже в больничке не было. Курс закончился, и пошел Панкрашин в семью. Потом начались трудовые будни. Три месяца вкалывала, а тут иду мимо кабака «Афродита» — сидит мой Панкрашин в белом костюме и малиновом берете. Пьет пиво пенное, хотя ему нельзя. Остановилась я, задумалась, смотрю на Панкрашина, он так на спутницу свою глядит — нежно, ласково, заботливо, вдумчиво, — что поняла я: вернулся он к ремеслу, пишет картины, спасибо Евгению Юрьевичу.

* * *

Ко мне от Нинель пришла ахинея по электронной почте. Я взбодрился и написал в ответ какую-то чушь. Тут же отправил, но потом вчитался в полученное письмо, а там не ахинея, а ясная и восхитительная мысль, но чушь-то я уже отправил.

Был бы файл, или листок календаря, или запись в базе данных, я бы просто удалил, а так письмо уже ушло. Ничего поделать невозможно. Стал названивать Нинель, а она не берет трубку. Сел на такси, приехал в Медведково, дом не помню. Все нынешние дома такие одинаковые, что даже не найдешь любимого человека. Захочешь ночью и не найдешь. Понаделали яндексов, джипизсов сраных, а Нинель, когда надо, не найдешь, с душой ничего не научились делать. Как найти душу в Медведкове?

* * *

Мой друг Андрей, уведший у меня Раю, какой-то беспомощный, при этом страшно талантливый. Он не любит людей и общается с ними только тогда, когда не имеет возможности общаться с телескопом.

Когда мы с ним на одной волне, то разговариваем часами, и потом совершенно невозможно восстановить ход беседы, потому что мы переходим на междометия.

А еще он никогда не снимает кепку, потому что страшно стесняется своей лысины. Порой собирается с силами и спрашивает: «Я красивый?» Ему говорят: «Красивый». А он с чувством человека, заранее знавшего ответ на вопрос, уличает во лжи, цинизме и лицемерии.

Однажды я пристал к нему: «сними кепку» да «сними кепку». Даже высмеял его — хоть и аккуратно, но обидно. И Андрей снял. И вот я буквально физически почувствовал, как он, бедный, мучается без кепки, какая у него дикая ломка происходит. Я сто раз укорил себя за бессердечность и вежливо вернул кепку Андрею, после чего он ее судорожно нацепил. Эмоциональный фон в комнате разрядился настолько резко, что даже из форточки перестало дуть. После этого случая Андрей упрямо твердил, что я похож на его маму. Это было крайне неприятное для меня сравнение, потому что его мама — майор милиции. Долгое время, находясь рядом с Андреем, осознавал, что я «мама».

* * *

Света не раз пыталась научить меня рисовать.

В детстве папа и мама уже хотели сделать меня художником. Они купили раскладывающуюся штучку через плечо (мольберт?), кисти и краски и поехали со мной в лес. Пока они собирали грибы, я должен был рисовать луг с березками, который раскинулся передо мной.

Когда они через два часа вернулись с полными ведрами опять, у меня на листе бумаги были нарисованы Винни-Пух на шарике, Чебурашка на лыжах и Шапокляк в мотоциклетном шлеме. Березок и луга не было. Так что я хорошо рисую только чебурашек.

* * *

Леля все-таки выходит замуж за Олега. Олег бросил жену и двоих детей и обещает им платить алименты, но никто в это не верит. Василий Петрович очень рад. Мне кажется, совместный поход на байдарках здесь сыграл не последнюю роль. Он обещал Олегу место управляющего в своем торговом центре на Дубровке. Я сейчас с ужасом думаю, что мог бы тоже стать управляющим на Дубровке. Ходил бы в строгом костюме, покрикивал на продавщиц, а некоторых бы пощупывал в подсобке.

Меня пригласили на свадьбу, но не знаю, что ответить. Мне будет очень тяжело лишиться Лели. Я так люблю Лелю.

Нинель так и не берет трубку и не отвечает на электронные письма.

* * *

Нинель пришла сама, принесла метровую китайскую куклу — мальчика в розовой пижаме и с голубыми европейскими глазками. Поставила на стол и говорит:

— Пьет.

— Кто, — отвечаю, — пьет?

— Сидор пьет, — и наманикюренной ручкой на куклу показывает, — на спор налью ему стакан пива, уйдем, вернемся, а там — вода.

— Нинель, ты со своими сериалами совсем из ума выжила (она сценарист в продакшне). Он же кукла, как он станет пить?

— А вот увидишь.

Налили мы Сидору стакан пива, пошли в гостиную, стоим КВН смотрим, не подглядываем. Через десять минут вернулись. Я стакан с пивом хряп, а там вода.

Сел на табуретку, офигеваю, открыл коньяк армянский и выпил граммов двести, потом зашторил кухню, закурил, ничего не понимаю, а Нинель торжествующе ржет:

— Это еще что! У него член пластмассовый в натуральную величину.

— Вот только показывать не надо, — наливаю себе еще граммов двести коньяка и иду звонить бывшей теще. Вот Нинель с кем все это время развлекалась.

Когда-то в молодости я очень любил Нинель. Высокую, стройную, кареглазую, спортивную. Когда она грациозно склонялась над книжкой и ее непослушный локон неожиданно падал со лба на желтую страницу учебника, она вздрагивала, краснела и, переборов смущение, медленно и лениво поднимала локон и крепко-накрепко закалывала. Но не проходило и получаса, как локон опять выбивался, снова падал на страницу, и Нинель смеялась заразительным смехом так громко, что дворничиха Вера Ивановна, подметавшая осеннюю листву возле общежития, останавливалась и смотрела на наше окно.

Мы сидели на подоконнике, я обнимал Нинель, целовал в губы бережно и нежно, но она всегда выскальзывала из моих объятий, поправляла платье и хваталась за книжку. Эта способность Нинель изворачиваться, убегать, проходить сквозь игольное ушко поражала меня.

Я водил ее на последние сеансы в кино, на ВДНХ, возил на «ракете» по извилистой Москве-реке, но всегда мне доставались лишь слабые поцелуи. Она никогда не позволяла нашему роману зайти далеко. В век сексуальной революции, порнографии и черной Эммануэль мы ходили,

как невинные средневековые подростки, взявшись за руки и засунув под мышки учебники. Мне все время казалось, что Москва — центр Средневековья.

Однажды нас послали в колхоз убирать картошку, но мы ее только пекли на костре, поэтому нас разбили на бригады. Сказочная Нинель и я оказались в противоборствующих бригадах, которые состязались за первое место в социалистическом соревновании. Теперь, когда я стремился остаться с Нинель один на один, она говорила со мной только о соревновании. Один раз мы даже улеглись на одну телогрейку, но все поцелуи и ласки остались без ответа.

— Милая Нинель, — вздыхал я, передавая мешки с собранной нашей бригадой картошкой Нинель.

В конце концов товарищи заметили убыль и прогнали меня из колхоза.

В другой раз мы пошли с ней на лыжный трамплин. Он стоял на Воробьевых горах напротив здания университета. Я не знаю почему решил, что если ночью забраться на трамплин, то можно показать Нинель ночное небо: огромное, сияющее, полное раскосых звезд и стремительных спутников. Мне казалось, что если Нинель увидит вечное небо, то обязательно согласится на все возможное и невозможное.

Небо и звезды Нинель понравились (хотя она поднималась на трамплин с опаской), но на маленькой площадке было невозможно обниматься и целоваться. Я окончательно разуверился в своей победе и стал при виде Нинель отворачиваться или делать вид, что не замечая ее.

Однажды она пришла в мою комнату в общежитии. Пока я ставил чайник на кухне, Нинель села на мою постель и стала листать какую-то книжку. Когда я вошел, губы ее алели, движения были осторожны и замедленны. Неожиданно она прижалась ко мне, обняла и поцеловала. Откинувшись на кровати и стала медленно раздвигать колени. Я опустил на пол и поцеловал сначала левое колено и потом правое. На правом был небольшой лиловый шрамик.

Утром она выпила чай с бутербродами и ушла.

Я же взял со стола книжку, которую накануне читала Нинель. Это был Катулл. Засохшая травинка-закладка лежала на стихотворении «Воробей». Милая, милая Нинель.

* * *

Мужчина должен делать всего две вещи: исполнять супружеский долг и скрывать от жены, что он умеет готовить. В нашей бывшей семье я часто готовил, крутился на кухне,

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.